

Дмитрий Емец

Похитители Пуха

Моя большая семья

Дмитрий Емец

Похищение Пуха

«Емец Д. А.»

2018

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Похищение Пуха / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2018 — (Моя большая семья)

Могут ли хомяк, крыса, черепаха, кролик, шиншилла и две собаки принять участие в детективном расследовании? Ребята – Петя, Катя, Вика, Алёна, Саша, Костя и Рита – не задавались таким вопросом, просто взяли своих питомцев с собой на очень необычное дело: предотвратить тщательно спланированное преступление. Но как они ни торопились, а неприятность всё же произошла! У одной бабушки украли коллекционную игрушку. Но на этом преступники не остановились и отправились к владелице другой ценной игрушки. А за ребятами тем временем кто-то установил слежку... Смогут ли юные сыщики вывести злодеев на чистую воду? И при чём тут один очень известный медведь?

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д. А., 2018
© Емец Д. А., 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	36
Глава четвёртая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Емец

Похищение Пуха

© Емец Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава первая

Покушение на дядю Ромашечку

Прошу отпустить моего сына Сашу Гаврилова с уроков 28 и 29 апреля, так как он идёт в скаутский поход на выживание с одной вилкой и будет питаться только гусеницами и пауками.

Записка в школу

Гавриловы – папа, мама и семеро детей – сидели за старым кухонным столом, гладили его полировку с многочисленными ожогами-подковками от сковородки и кофейной турки и радовались. Как же здорово было снова оказаться в любимом доме! Старичок с внучкой и правнучкой уехали три дня назад, и теперь Гавриловы вновь обживались на привычном месте.

В распахнутое окно было видно, как по улице-восьмёрке идёт высокий парень. Шагал он осторожно, на шаривая ногой пространство перед собой, чтобы во что-нибудь не врезаться. В руках у парня был букет из такого количества роз такого размера, что он обнимал его, словно слоновью ногу. Изредка, пытаясь выглянуть из-за букета роз, он царапал себе нос.

– В третий раз его вижу! Счастливая, наверное, его жена! Каждый день ей букеты таскает! – мечтательно вздохнула Алёна.

– Может быть, невесте? – предположила Вика.

– Да нет. Я его знаю. Это приятель Покровского. Он цветами занимается. Покупает у торговцев увядшие розы, укорачивает ножки, лепестки слегка отщипывает, из пульверизатора пшикает – и вечером у моря по одному цветочку продаёт, – заявил Петя.

– Ну вот! Умеешь ты убить мечту! – проворчала Катя. Она хоть и была девушкой решительной, тоже порой предавалась мечтам.

Внезапно на плите запищал таймер.

– Разве мы что-нибудь готовим? – спросила мама Аня.

– Нет, – ответил папа Николай. – Это я себе поставил напоминалку, чтобы не опоздать в аэропорт. Надо человека встретить.

– А кто к нам прилетает?

– Роман Лепот. Ударение на первый слог, не перепутай! Это не французская фамилия, это псевдоним от слова «лепота», – сказал папа.

Мама слегка наморщила лоб, припоминая:

– Лепот... Лепот... это такой с чёлочкой и с квадратным подбородком?

– Как?! И ты его знаешь?! – ревниво удивился папа Николай. – Хотя да! Его фотографии есть во всех книжных магазинах. Дамы отдирают их от стен, чтобы повесить у себя в комнате.

– Постой, это у него в книгах все влюбляются?

– Да. Этим его книги и уникальны. Там сколько героев, столько и любовных линий. Любовные треугольники, любовные квадраты. Если из дома выходит женщина семидесяти лет, то почти наверняка к ней на следующей странице подбежит миллионер Паоло из Бразилии. Ему пятьдесят, но он мускулист, строен, рост метр восемьдесят пять, весит восемьдесят килограммов, прекрасен и несчастен... Двадцать лет назад увидел её фотографию в журнале «Российское образование» – и все эти годы её искал. У этой женщины есть дочь. В неё влюблен американец Марк. У него нефтешка в Ираке, ему тридцать, рост метр восемьдесят один, вес семьдесят пять кг, и он тоже мускулист и несчастен... У дочери тоже есть дочь, ей восемнадцать. Её любит француз Симон, хозяин пекарни. Ему двадцать, у него кудри до плеч, и подшивку журналов «Российское образование» он унаследовал от бабушки... Ладно, шучу! Зашёл случайно на какой-то сайт, и там была её фотография. Может быть, страничка в соцсети.

– И Симон тоже мускулист, несчастен и весит восемьдесят килограммов? – спросила Катя.

– Ты что, читала Лепота? – удивился папа Гаврилов.

Катя хихикнула:

– Догадалась. Так восемьдесят?

– Нет, кажется, вес шестьдесят восемь, а рост – сто семьдесят два. Лепот всегда очень точно определяет рост и вес своих героев. Просто как Джек Лондон.

– А по-моему, это здорово! Все всех любят, у всех есть надежда! – мечтательно вздохнула Вика. – У нас есть какая-нибудь его книжка?

– Я первая! Я за одну ночь прочитаю и тебе отдам, а ты будешь две недели мурыжить! И ещё ты закладываешь страницы фантиками от конфет! – закричала Алёна.

Папа Гаврилов хмыкнул. Он был уже недоволен, что сделал Лепоту рекламу. Ну что ж, женщины есть женщины. Розовые мечты – это святое, а Лепот был величайшим специалистом по розовым мечтам.

– Я думаю, книжку с автографом мы выпросим у автора. Он прилетает через час, а нам ещё ехать до аэропорта. Ну, кто со мной встречать Лепота?

Вызвались все дети и даже мама. В последний момент спохватились, что автобус у них восьмиместный, а желающих встречать уже девять. То есть для самого Лепота и его чемодана места явно не хватит.

– Будет смешно! Приезжаем мы его встречать, и выясняется, что ему придётся идти пешком, – сказал Петя, передумал ехать и остался.

И мама спохватилась, что надо что-то приготовить Лепоту, потому что с дороги он будет голодный.

– А почему это Лепот к нам приезжает? Ты с ним разве дружишь? – спросила Алёна у папы, когда они садились в машину.

Папа Гаврилов перестал закрывать раздвижную дверь.

– Я видел его всего пару раз, – осторожно сказал он.

– А чего он тогда?

– Точно не знаю. Он обычно ездит отдыхать в Европу, в Грецию, на Кипр и так далее. А тут вдруг решил посмотреть Крым, поискать здесь истоки творчества. Вспомнил, что я тут живу, и написал мне письмо. Я предложил его встретить, и он ответил, что будет рад.

Папа со второй попытки закрыл дверь, обошёл автобус и хотел опуститься на водительское сиденье.

– Стой! – закричала Алёна. – Раздавишь!

Папа замер.

– Внутри твоего кресла сидит крыса! – объяснила Алёна.

– Какая ещё крыса?!

– Наш Шварц!

Папа заглянул под кресло. Там ничего не было, кроме ключей и насоса.

– Он внутри кресла! Не «под», а внутри! – уточнила Алёна.

– Разве внутри кресла можно сидеть?

– Оказывается, можно. Шварц снизу подлез. Смотри, прямо под чехлом бегают!

– Там же поролон!

– Он его, наверное, лапками раскопал! Я его всего на минутку отпустила, – застенчиво пояснила Алёна.

Папа попытался вытащить Шварца – грозного старого крыса, предводителя крысиного гарема, однако снизу рука не пролезала, и Шварц бегал под чехлом взад-вперед.

– Зачем ты взяла с собой Шварца? – спросил он строго.

Алёна что-то пробурчала.

– Она хотела перед Романом Лепотом повыпендриваться! – наябедничала Катя. – Типа он такой весь такой ах! А она прям такая вся такая ох! Сидит и крысу гладит! Он такой: «Ай!» А она такая: «Ха!»

Алёна покраснела до слёз и попыталась врезать Кате локтем. Папу Гаврилова, однако, волновало сейчас другое.

– И что нам теперь делать? Сиденье снимать долго. Чехол разрезать жалко. А если я сяду – я его раздавлю! – жалобно сказал он.

– Бедный Роман Лепот! Стоит в аэропорту со своим чемоданчиком! Печальный, никем не встреченный... – сказала Вика и вздохнула.

– Ага, скорее уж он напишет объявление в Интернете: «Одинокий писатель, вес восемьдесят килограммов, рост сто восемьдесят два, глаза карие, грустные, мечтает бесплатно уехать из аэропорта в Симферополе на любом попутном транспорте!» – хмыкнул Петя, вырастая рядом с автобусом.

– Ну всё! Кто не спрятался, я не виноват! – громко предупредил папа Гаврилов, глубоко вздохнул и медленно начал опускаться на сиденье прямо на Шварца. Как он и рассчитывал, Шварц не пожелал быть раздавленным. Он перебежал ближе к спинке и нырнул между пружинами, где принялся прорывать себе ходы в поролоне.

Папа Гаврилов ехал по заросшей шиповником и виноградом улице-восьмёрке, а под ним, устраиваясь между пружинами, недовольно ворочалась большая чёрная крыса мужского пола.

– Нет, всё-таки я, наверное, жадный... – сказал папа, вслушиваясь в свои ощущения. – Я, конечно, философски к вещам отношусь, но всё-таки не до такой степени. Когда крыса жрёт моё сиденье, мне как-то неудобно.

– Шварцу там одиноко... Может, взять с собой кого-нибудь из его жён, чтобы она его выманила? – предложила Алёна.

– Глупый он, что ли? Он сейчас телефон возьмёт, будет объявление писать: «Одинокий крыс, глаза... какие там у него глаза, рост и вес?... имеющий отдельную жилплощадь в японском автобусе «Тойота-Ной», ищет юную крысиху, готовую разделить с ним творческие идеалы и много-много поролона», – заявила Катя.

Папа Гаврилов въехал на территорию аэропорта. Ещё издали он заметил, что толпа у выхода из терминала «А» гуще, чем обычно. И почему-то эта толпа состоит из одних женщин. Отчасти она даже хлынула на дорогу, затруднив проезд.

– Что там такое? Спортивная команда, что ли, какая-то женская приехала? – спросил папа Гаврилов, беспокоясь, что стоянка в аэропорту затянется больше чем на 15 минут и придётся платить.

– Роман Лепот автографы раздаёт! – сказала зоркая Катя.

И правда, посреди толпы стоял высокий мускулистый мужчина в синей футболке. Окружённый женщинами, он размашисто расписывался на чём придётся: на клочках бумаги, на авиабилетах и даже на протянутых к нему руках. Одной женщине он расписался на спине. После этого все женщины пожелали, чтобы и им расписались на спине, даже и те, которым уже расписались на руке. Это привело толпу в движение. Женщины толкали друг друга, возмущённо крича на тех, кто уже получил автограф и теперь хотел второй.

– Странно. Неужели среди его поклонников нет ни одного мужчины? – спросила Вика.

– Почему? Есть! Вон один прорывается! – Папа опустил стекло, чтобы рассмотреть получше. Действительно, к Лепоту прорывался маленький толстячок с какой-то бумажкой в руке, которую он держал высоко над головой.

– Для жены! Для жены! Мне не надо, это для жены! – вскрикивал он, круглым животом расталкивая толпу.

С каждой минутой толпа становилась всё больше. Теперь автографы у Лепота брали и те, кто его не читал. Папа Гаврилов услышал, как одна женщина спросила: «А какие песни он поёт?», после чего, не слушая ответ, тоже кинулась за автографом.

Папа не выдержал.

– Надо что-нибудь делать, или мы никогда отсюда не уедем! – заявил он.

Он припарковал машину и стал пробиваться к Роману Лепоту. При этом он тоже кричал «Для жены, для жены» и размахивал над головой салфеткой для автомобильных стёкол. Лепот ещё издали усмотрел, что это салфетка.

– Мужчина, на салфетках не расписываюсь! Буквы расплываются! – строго произнёс он, но тотчас на лице его мелькнуло запоздалое узнавание, и он бросился обнимать папу Гаврилова.

– Знаете, это тоже писатель! – объяснил он огромной краснолицей даме, с негодованием уставившейся на Николая.

– И что он там пишет, этот ваш писатель? – раздражённо спросила дама.

– Книжки. Замечательные добрые книжки! – сказал Лепот с некоторой заминкой, из которой Гаврилов безошибочно вывел, что его книг Роман Лепот не читал и даже ни одного названия не помнит.

– Нам других писателей не надо!.. Ладно, так и быть, можете тоже расписаться у меня на спине! – разрешила огромная дама, поворачиваясь к папе широкой, как диван, спиной. При этом стало видно, что на лопатках у неё татуировки в форме крошечных крылышек.

– Я неграмотный. Лучше я просто поставлю крестик! – сказал папа Гаврилов и, забрав маркер, поставил рядом с размашистой подписью Лепота маленький крестик.

После этого он решительно подхватил Лепота под руку и потащил его к автобусу. Роман Лепот, уставший от автографов, радостно позволял себя тащить. При этом он раскланивался, прижимал ладонь к груди и всячески показывал поклонницам, что вот – меня утаскивают насильно, а так я весь ваш.

– Романчик! Я люблю тебя! Ты сделал мою жизнь, Ромашечка! – крикнула какая-то девушка.

Лепот посмотрел на неё с некоторой тревогой, но девушка была с мамой, крепко держащей её за руку. Успокоившись, писатель благосклонно помахал девушке рукой.

– Тебя называют «Романчик» и «Ромашечка»? – удивился папа Гаврилов.

– Это всё с телешоу пошло, – объяснил Лепот недовольно. – Ты не смотришь телевизор? Там ведущая всё время висла на мне, как споткнувшаяся Снегурочка на ёлке, и называла меня «Романчик» и «Ромашечка»... С одной стороны, очень рейтинговое шоу, вся страна смотрела. А с другой – меня теперь даже продавщицы в магазинах называют «Ромашечка». А тебя читатели как называют?

– В основном по имени-отчеству. Или «дядя Коля», – признался папа Гаврилов.

– Дядя Коля... серьёзно? Бррр, ужас какой! – Лепот вздрогнул. Видимо, он представил, что было бы, если бы огромная дама с вытатуированными крылышками, на спине которой он недавно расписался, назвала его «дядя Рома» или «дядя Ромашечка».

Они пробились к автобусу. Открыв багажник, папа Гаврилов поставил туда тяжёлый чемодан Лепота, украшенный наклейками многих международных аэропортов. Пока он возился с чемоданом, Лепот стоял рядом и тревожно озирался по сторонам.

– Поехали... поехали отсюда быстро... У меня какое-то скверное предчувствие! Эх, машина у тебя заметная, это плохо... И узнали меня в аэропорту – тоже скверно! – сказал он вполголоса.

Папа удивлённо оглянулся на Лепота. Роман Лепот был так же прекрасен, как и на плакатах в книжных магазинах. Плакаты ничуть не обманывали – напротив, даже приуменьшали его мужественную красоту. Так же твёрд был его подбородок, так же брутальна всегда трёхдневная щетина, так же мило лежала на лбу озорная чёлочка, но при всём при том лицо Лепота выражало тревогу. Он вжимал голову в плечи и даже ухитрился нацепить тёмные очки.

Вокруг машины шмыгали какие-то дамочки и фотографировали их автобус в разных ракурсах, стараясь, чтобы и Лепот попал в кадр. Писатель поворачивался к ним спиной и закрывал лицо сгибом руки. Папа предположил, что это из-за старого автобуса. Когда он предполагал встретить Романа Лепота, тот, видно, считал, что его встретят на «Мерседесе». И уж конечно, не рассчитывал на ржавый праворульный автобус, полный детей.

Чемодан гостя оказался слишком велик для крошечного багажника «японца». Папа отодвигал вперёд спинки сидений заднего ряда, стараясь, чтобы он поместился. Лепот наблюдал за его действиями с глубокой тоской.

– Лучше б я на такси поехал! – шептал он.

Наконец чемодан сдвинулся, и папа показал Лепоту свободное кресло во втором ряду у окна. Прежде чем опуститься, писатель брезгливо потрогал его и смахнул что-то рукой.

– Тут крошки какие-то! И мокро! – пожаловался он.

– Тут Рита сидела! – объяснил Костя, показывая на маленькую сестру.

– А другое место есть? – спросил Лепот.

Другого места не оказалось.

– Ерунда! – успокоил его папа. – Мы подстелим под тебя пакетик!

Он опасался, что гость заупрямится, но тот, оглянувшись, неожиданно покорно уселся на пакетик и сразу стал нервно дёргать ремень.

– Не работает! Заело! – пожаловался он.

– Не заело. Просто его надо тянуть так медленно, словно ползёт гусеница! – объяснил Саша.

– А починить нельзя?

– Мы все ужасные торопыги, а этот ремень воспитывает терпение, – сказал папа.

Он хотел уже закрыть за Лепотом дверь, но тут за спиной у него выросла та огромная женщина, у которой они расписывались на спине. Увидела детей, и глаза у неё округлились.

– Это все ваши? – спросила она у Лепота.

– Его-его! Тут ещё не все. Остальные ждут папу с дневниками, полными пятёрок! – сказал папа и, закрыв дверь, сел за руль.

Ошеломлённая поклонница осталась стоять с разинутым ртом.

– Напрасно ты это сказал... – укоризненно произнёс Лепот, всё ещё возившийся с ремнём. – Теперь она перестанет меня читать!

– Не перестанет, – утешил его папа. – Вон она даже номер нашей машины фотографирует!

– О нет! Она на форум всё выложит! – простонал Лепот. Вместо ответа папа подпрыгнул и хлопнул по своему сиденью ладонью.

– Не обращай внимания. Крыса наглеет. Не хочет подвинуться, – объяснил он.

Гость покосился на него, тревожно улыбнулся, однако переспрашивать ничего не стал. Лавируя в тесном потоке автомобилей, папа стал пробиваться к выезду из аэропорта. Миновав шлагбаум, он поехал мимо гостиницы, на площадке рядом с которой шло строительство.

Автобус ехал медленно, то и дело останавливаясь. Лепот, тревожась, поглядывал в окно.

– Надо бы... – начал он, но договорить не успел.

Три сильных удара в стекло заставили автобус дёрнуться, а Лепота испуганно откинуться на спинку сиденья.

– Поехали! Быстро! В нас стреляют! – взвизгнул он.

Дети завопили. Папа нажал на педаль газа, и автобус, втиснувшись в просвет между машинами, прорвался вперёд. Лепот торопил, вцепившись рукой в спинку сиденья. Папа бросал автобус из стороны в сторону, однако больше в них не стреляли. Метров через пятьсот папа принял вправо, остановился и выскочил из автобуса.

Он был уверен, что боковое стекло прострелено, однако пулевых отверстий не обнаружил. На стекле, в том месте, где за ним белело вытянувшееся лицо Лепота, было три пятна зелёной краски. Все пятна были расположены близко и в ряд, что демонстрировало высокое искусство стрелка.

Лепот вышел и потрогал следы краски мизинцем. Он был очень бледен, но приходил в себя быстро. Гораздо быстрее, чем папа Гаврилов.

– Что это было? – спросил папа.

– Похоже на маркер для пейнтбола. Нас обстреляли шариками с краской, – ответил писатель. – Кто-то спрятался и, когда мы проезжали мимо, несколько раз выстрелил.

– Надо вернуться! Мы его поймаем! Из-за этого болвана я мог врезаться! – крикнул папа Гаврилов.

Лепот торопливо вцепился ему в рукав.

– Умоляю тебя! Не надо! – торопливо сказал он. – Он давно уже убежал. Автобус цел. Никто не пострадал, а краска легко оттирается.

Папа Гаврилов внимательно посмотрел на своего гостя.

– Как хочешь! Целились-то в тебя, – сказал он, пожав плечами.

Лепот вздрогнул.

– Ты ошибаешься! Никто в меня не целился! Поехали! – заявил он и, вернувшись в автобус, поспешно захлопнул дверь.

Папа сел за руль.

– Кто в нас стрелял? Вы что-то видели? – спросил он у детей.

Те замотали головами. Только Костя стал утверждать, что видел какую-то штуку, которая высунулась из другой такой штучки, а потом вырвался огонь вроде лазера и всё окуталось дымом.

– Дымом? – переспросил папа.

– Ну да! Серой такой! Вроде динамита! – сразу подтвердил Костя.

Папа махнул рукой и поехал.

– Почему ты его не слушаешь? Может, он и правда что-то видел? – спросил у Гаврилова Лепот.

– Он ребёнок писателя, – сказал папа.

И, правда, они ещё не доехали до Скворцова, колбасной столицы Крыма, а Костя уже утверждал, что в них стрелял танк, а в танке сидели такие дядьки в железных шлемах, но что он увернулся и дядьки в него не попали. Когда же через час он рассказывал это маме, танк уже превратился в вертолёт, который гнался за ними и стрелял-стрелял-стрелял.

Глава вторая

Мухи, зонтики и сапоги

Разве неделю назад кто-нибудь смог бы поверить, что известнейший писатель Роман Лепот поселится у Гавриловых на чердаке, там, где до него жили только голуби и где нет ни мебели, ни даже раковины? Только старая раскладушка. Но он поселился и почти не выходил с чердака. Так как на чердаке отсутствовали и розетки, удлинитель для ноутбука Романа Лепота протянули в окно со второго этажа, и всякий раз, когда начинался дождь, приходилось спешно его втягивать, чтобы не замкнуло.

Подружившись с гавриловскими детьми, писатель попросил их сохранить его присутствие в тайне. Лучше бы он этого не делал. Рита, которая в любом другом случае даже не вспомнила бы, что у них дома живёт кто-то посторонний, в тот же день растрепала всем своим подружкам, что у них на чердаке живёт дядя. К счастью для Лепота, дети в младшей группе детского сада не были поклонниками любовных романов, да и сама Рита не выговаривала слишком много букв.

Одной подружке она сказала, что у них живёт «Бепот», другой – что «Пепот», третьей – что «Непот». Подружки, такие же мудрые, как и сама Рита, пошептавшись с ней в песочнице, тем же вечером поведали своим мамам, что у Риты есть какой-то «дядянепа», в которого стреляли из танка акварельными красками, но он почти не испачкался.

На третий день утром папа поднялся к Лепоту на чердак. «Дядянепа» стоял у окна и озабоченно глядел на улицу. По его плечам бродили окончательно приручившиеся голуби. Ноутбук гостя помещался на перевёрнутом ящике рядом с раскладушкой. Крышка была опущена, и сверху надет пакет. Видимо, чтобы защитить компьютер от голубиного помёта. Каждый день Лепот печатал ровно по две страницы, не больше и не меньше. Писал он быстро, без раскачки, без творческого кризиса и без литров вливаемого в себя кофе. Кофе Лепот не уважал и вёл здоровый образ жизни. Питался по часам и каждое утро начинал с того, что чуть-чуть укорачивал щетину специальной насадкой на бритву и полоскал нос водой со слабым раствором йода.

Пока Лепот печатал, голуби – а их было четыре! – летали вокруг него, топтались на голове и на плечах, а некоторые даже опускались на клавиатуру, внося в текст свои исправления.

– Как работаете в Крыму? Как истоки творчества? – спросил Гаврилов.

Лепот, всё так же глядя в окно, отозвался, что работается сносно. Во всяком случае, лучше, чем в Антарктиде. В прошлом году он плавал туда на круизном лайнере. Ночевали они в палатках. Было дико холодно, ноутбук не желал запускаться, и он писал карандашом, потому что шариковые ручки тоже замерзали.

– Ты ведь читал мою книгу «Холодный поцелуй»? Она как раз по впечатлениям от Антарктиды.

– Собираюсь прочитать, – уклончиво ответил Гаврилов. Он знал, как правильно отвечать писателям на вопрос, читали ли их книги.

Роман Лепот кивнул и опять уставился в окно. Из окна вся улица-восьмёрка просматривалась как на ладони. Вот детский сад, больница, а вот переулок, похожий на единичку, в котором живут Моховы. Порой Гаврилову приходило в голову, что Лепот потому выбрал третий этаж, что отсюда отлично виден любой человек, который вздумает подойти к их дому.

– Ты ведь хорошо знаешь Крым? Где находится Соколиное? – спросил Лепот.

– Если по карте, то примерно тут... – Гаврилов ткнул пальцем в воздух. – Через него идёт дорога на Ай-Петри. Длинный-длинный горный подъём с сотней поворотов. Зимой дорогу обычно перекрывают, потому что она превращается в сплошной лёд.

Он вспомнил, как однажды они поднимались туда на машине. Вику тошнило, Алёна всё время просила остановиться, мама опасалась, что они упадут в пропасть, и кричала папе, чтобы он держал руль, Саша и Костя, напротив, мечтали в неё упасть. Рите ничего не было видно, и она вопила: «Я то же хотю на какую-нибудь эскусию!»

– М-м-м... понятно... – промычал Лепот. – А до Соколиного далеко ехать?

– Не особенно. Часа за два можно добраться, – сказал Гаврилов.

– Так близко? – недоверчиво переспросил гость. – Я почему-то думал, что это далеко. А завтра сможем на твоей машине доехать?

Гаврилов прикинул, нет ли завтра срочных дел:

– Думаю, что сможем... А что там в Соколином?

– Старушку одну нужно навестить, – ответил Лепот. – Это будет большое и светлое дело, практически благотворительность.

– Два часа туда, час у старушки, потом хорошо бы ещё на Ай-Петри подняться, раз мы будем у подножия. Это ещё два часа. Ну и четыре часа обратно. Итого, часов девять... Значит, выезжаем в семь утра, чтобы всё успеть! – посчитал Гаврилов.

Озвучивая это, он забыл одну очень важную истину. Истина же эта звучит так: «Если хочешь посмешить Бога, расскажи ему о своих планах».

* * *

Первоначально папа собирался съездить с Лепотом в Соколиное один. С одной стороны, он любил поездки с детьми, а с другой – прекрасно представлял, во что это всё превратится. Костя с Сашей, заскучав, начнут драться в машине, и между ними придётся ставить рюкзак или мусорное ведро. Алёна будет каждые пятнадцать минут заявлять, что её укачало, а потом, гуляя по лугу, преспокойно собирать цветочки. Саша с Костей тоже не усидят и наловят кузнечиков, бабочек и богомоллов, которых некуда будет посадить. Петя станет заявлять, что мелкие его достали и он уже жалеет, что поехал. Рита будет зорко выслеживать глазами магазинчики на обочине дороги и заводить свою песенку «купикупикупик!»

– Мы быстренько. Выедем, когда вы будете ещё спать. Одна нога здесь – другая там, – сказал папа маме Ане.

– Как это без нас?! У тебя дети есть?! У тебя я есть?! – возмутилась мама.

– Ну понимаешь... – начал папа издали. – Ты, конечно, есть, и дети, конечно, есть, но так мы смотаемся быстро, а если с вами, то...

Но мама громко сказала:

– Дети, голосите! Папа не берёт нас в поход!

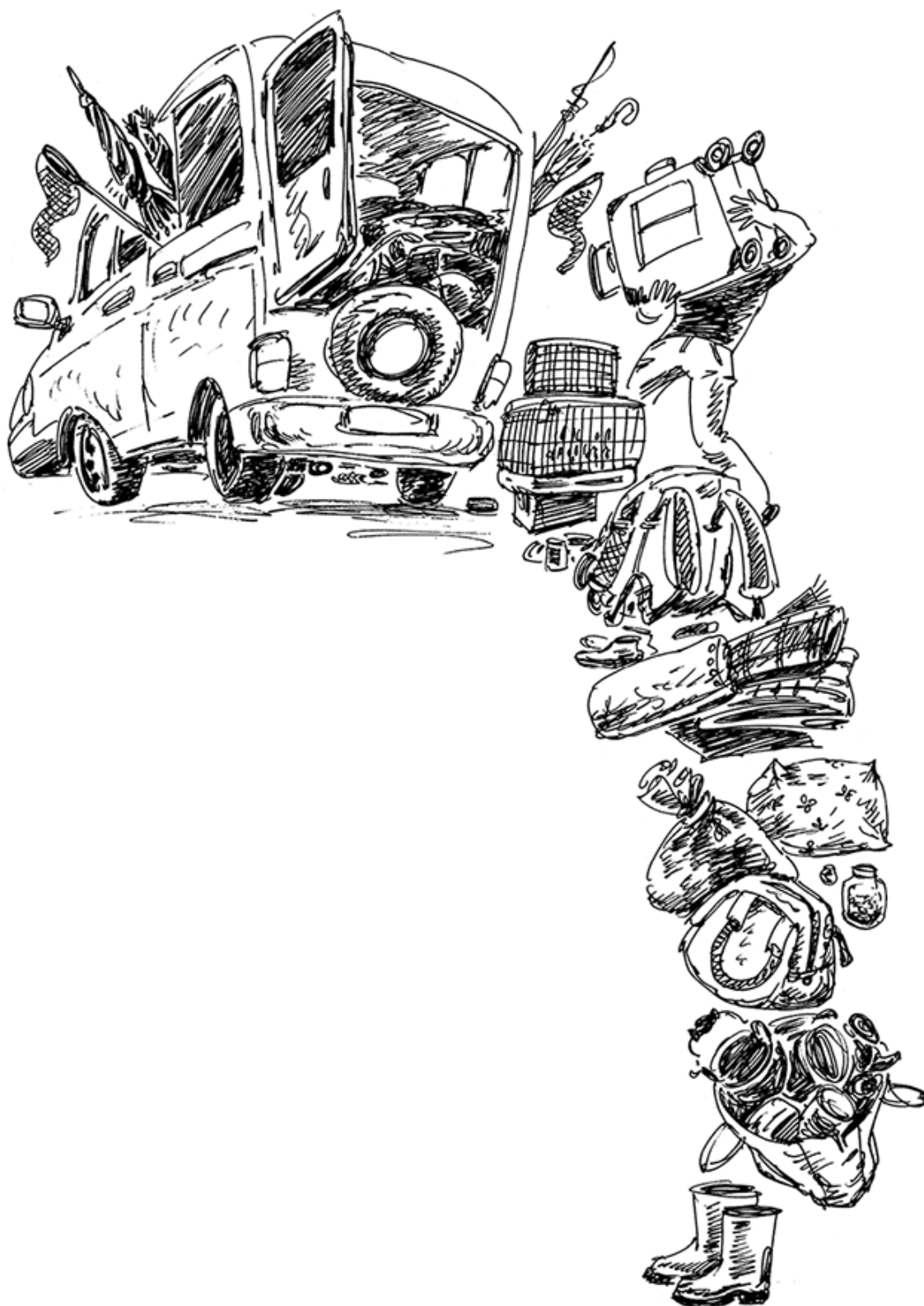
Слово «поход» подействовало на юную часть семейства Гавриловых, как появление тележки с едой на зверей в зоопарке. Все забегали, засуетились. Вика тоненько запищала. Алёна завывала, как полицейская сирена – «иу-иу-иу!». Костя долго-долго набирал воздуха, кратко и страшно гаркал прямо в ухо папе и снова начинал долго-долго набирать воздуха.

Саша колотил молотком по кастрюле.

Рита, воспитанница школы Станиславского, прежде чем кричать, решила как следует себя огорчить. Для этого она стала бродить из комнаты в комнату, отыскивая публику.

– Я плачу! Я плачу! – сообщала она всем спокойным бубнящим голосом.

Публика хорошо знала Риту и разбегалась от неё. Рите это не нравилось. Она хмурилась, скрещивала на груди руки и повторяла «Я плачу!» всё грознее и грознее.

Пете кричать не хотелось, но он автоматизировал процесс. Подключил свой телефон к колонке, что-то нашёл в Интернете, и дом наполнился ужасающими воплями. Кто-то рыдал, голосил, бился о землю.

– Африканские жёны оплакивают мужа. А у них традиция такая, что та, которая голосит тише всех, должна отправиться с ним в загробный мир, – объяснил он, ненадолго выключая колонку.

Папа Гаврилов был человек ко всему привычный. Он ходил по дому и ставил на бумажке точки, отмечая, кто из детей производит больше звуков.

– Катя, а ты чего молчишь? – удивлённо спросил он.

Катя хмыкнула, качаясь на стуле:

– А что я, вопить должна? Пускай хотя бы моего крика в этой какофонии не будет!

Костя жадно зашевелил губами, радостно запоминая, а потом и повторяя новое слово, а Рита, перестав страдать, побежала ябедничать маме, что Катя учит Костю плохим словам. Видимо, Рита шептала маме что-то не то, потому что мама ничего не поняла.

– Катя, какое ты слово сказала? – крикнула она из кухни.

– Какофония!

– Сама ты такая! Я холосея! – запищала Рита и наконец получила желанный повод разораться.

Непривычный к воплям, Лепот спрятался за холодильник и стоял за ним, бледный и напуганный, зажимая пальцами уши.

– Давай возьмём их с собой! – сказал он Гаврилову.

– Да запросто! – уступил тот.

Лепот вздохнул:

– В плане быта я не капризен. Как-то я через Аравию ехал на верблюде и жил в полотняном шатре. Не читал мою книгу «Жаркий поцелуй»?

– В процессе! – ответил папа Гаврилов. – Эй, дети, дядя Роман согласен! Мы вас берём!

Юные Гавриловы покосились на папу, проверяя, правда ли это, убедились, что правда, и почти сразу в доме воцарилась тишина. Только Рита по инерции взвизгнула ещё раз пять, но, сбита с толку тишиной, замолчала и сунула палец в рот.

– У меня зуб шашается! Или эшо не зуб. Или эшо язык шашается, – произнесла она задумчиво.

Петя вытащил из колонки шнур и намотал его на палец.

– Ну что? – спросил он. – Идём, значит, собирать рюкзаки? А куда мы едем-то?

– В Соколиное, – ответил папа.

– Мы же там были. Это где мечеть, горы и прудики такие, вокруг которых куча лошадей? И лягушки в камышах орут? Может, куда-то в другое место?

– Нееет! Туда-туда! – завопили Саша и Костя, давно мечтавшие поймать лягушку. Ради одной-единственной лягушки они готовы были пешком пройти весь горный Крым. Неосторожно упомянув лягушек, Петя потерял двух ценнейших союзников.

– Да, правда, а почему именно в Соколиное? Что за старушка там? – спросил папа.

Лепот, выдвинувшись из-за холодильника, прошествовал к столу и смущённо присел на краешек стула. Забавно было смотреть на известнейшего писателя, сидящего на краешке стула и указательным пальцем трогавшего на столе засохшую булочку.

– Чаю нальёте? Я расскажу. Тут такая запутанная история, что надо с мыслями собраться... – сказал он.

Рита мгновенно перестала расшатывать зуб, за который она планировала получить от зубной феи мзду, и кинулась к чайнику с кипятком.

– Не надо! – мягко сказала мама.

– Почему вы не разрешаете? Пусть девочка нальёт! – умилился Лепот. Он до сих пор не выучил имена детей и называл их просто «девочка» и «мальчик».

– Пусть-то пусть. Но не факт, что она его нальёт в чашку, – сказала мама, отодвигая Риту с чайником подальше от колен писателя.

Получив наконец чашку, Роман Лепот кончиком ложечки выловил из неё чайинку, после чего долго рассматривал поверхность чая на свет.

– Видите эту плёнку? Это называется микробная пленка. Страшнейший яд! – сказал он детям, но всё же отхлебнул и, решившись, тряхнул головой. – История такая! Неделю назад я и не планировал ехать в Крым. Мне нужно было срочно готовиться к международной книжной ярмарке. У меня же книги на английский будут переводиться, я не говорил? И вот я сижу на

обычной рядовой встрече в книжном. Стол стоит посреди зала, а позади меня стеллаж. И я слышу, как за стеллажом разговаривают двое. Догадываюсь, что они понятия не имеют, что мне их слышно. Прислушиваюсь и понимаю, что эти двое задумали преступление. Здесь, в Соколином, в Крыму!.. Я в замешательстве. Прошу у организаторов прощения, встаю и пытаюсь заглянуть за стеллаж. Но поздно! Успеваю только зацепить взглядом удаляющиеся женские ноги. И вижу татуировку в форме морды пумы на правой голени. И всё.

– И вы не побежали следом? – жадно спросил Петя.

– Нет. Неловко сознаваться, но я вернулся на своё место и продолжил раздавать автографы. Но эта история не давала мне покоя. Несколько дней я колебался, не зная, как поступить. Оповестить полицию? Но что я им скажу? Про встречу в магазине? Но я не могу описать ни внешности преступницы, ни даже поклясться, не является ли всё это шуткой. Хорошо, если мне просто не поверят, а если поверят, заведут какое-нибудь дело, меня сделают свидетелем и я не смогу осенью улететь за границу? Но и ничего не предпринять я тоже не могу... Совесть заест! И вот я взял билеты и прилетел в Крым. А перед этим написал тебе письмо, а ты предложил меня встретить.

И, приподняв чашку, Лепот сквозь её ручку умоляюще взглянул на Гаврилова.

– Ты всё сделал правильно! – похвалил Гаврилов. – И ты молодец, что мне написал, и мы молодцы, что тебя встретили. Ты только секрета не раскрыл: что за преступление планируется в Соколином.

Лепот передвинул чашку и посмотрел сквозь ручку уже другим глазом.

– Нет, не могу сказать... Прости, но не могу... Пока не могу – а может, и никогда не смогу! – решительно произнёс он.

– Почему?

Писатель замялся:

– Видишь ли... Это не того рода преступление, когда нужно вооружаться дробовиком или брать с собой сторожевых собак... нет... напротив, это изящное, тонкое, кружевное преступление. Оно всё на полутонах, всё на воображении! Я бы даже назвал его деянием злого гения! Такие преступления бывают раз в сто, нет – раз в двести лет!

– Так в чём же оно? – нетерпеливо воскликнул Гаврилов.

Лепот заёрзал на стуле:

– Скажу тебе правду. Я не хочу рассказывать потому, что ты писатель. При писателях нельзя даже рта раскрывать. Ты похитишь у меня этот замысел и напишешь книгу. А я хочу написать её сам.

– Не похищу, – пообещал Гаврилов.

– Нет, похитишь. Захочешь не похитить, но всё равно похитишь. Это у писателей в крови. Меня уже обокрали один раз. Знаешь Мишукова? Я как-то случайно рассказал этому графоману свой сюжет. Там смысл в том, что муж уходит от жены! Какова тема? Блеск! И что же? Через полгода открываю новую книгу Мишукова, и там у него жена уходит от мужа! Изменил мой сюжет, гад, исковеркал, да ещё и следы замёл!

Гаврилов хотел осторожно заметить, что муж, сбежавший от жены, – сюжет в литературе довольно обычный и в его книгах тоже такое встречается, хотя он не читал ни Лепота, ни Мишукова. Однако Лепот был мужчина физически крепкий, а на столе во множестве лежали вилки и другие опасные предметы, так что он не стал рисковать.

– Ладно! – уступил Гаврилов. – Пусть это будет твоя книга! И твой секрет!

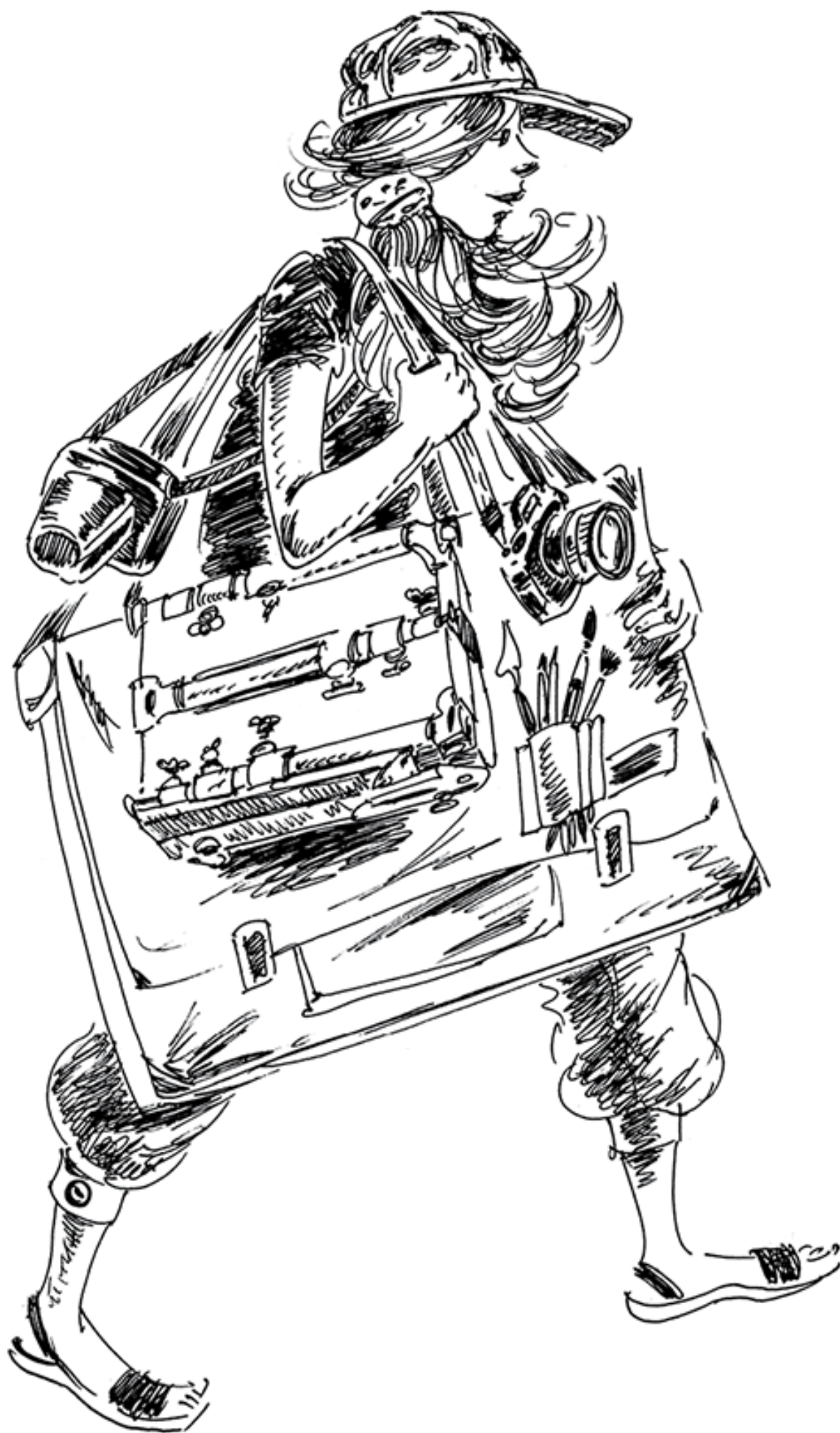
Весь день и весь вечер они собирались. Каждый из детей составлял себе собственный список вещей, которые хотел взять с собой.

Саша и Костя намеревались захватить шесть контейнеров с богомолами, один со сколопендрой, коробку с шипящими тараканами, со сверчками, круглую железную банку с пауком-волком, аквариум с вьетнамскими палочниками, тёрку и несколько морковок для тараканов и сверчков. Кроме всего упомянутого, вместе с Сашей и Костей в поход отправлялись два сачка для бабочек и один резервный сачок с отломанной ручкой, который Костя носил на голове как кепку.

Алёна захватила крыс, черепаху Мафию, кролика Чудика и шиншилл.

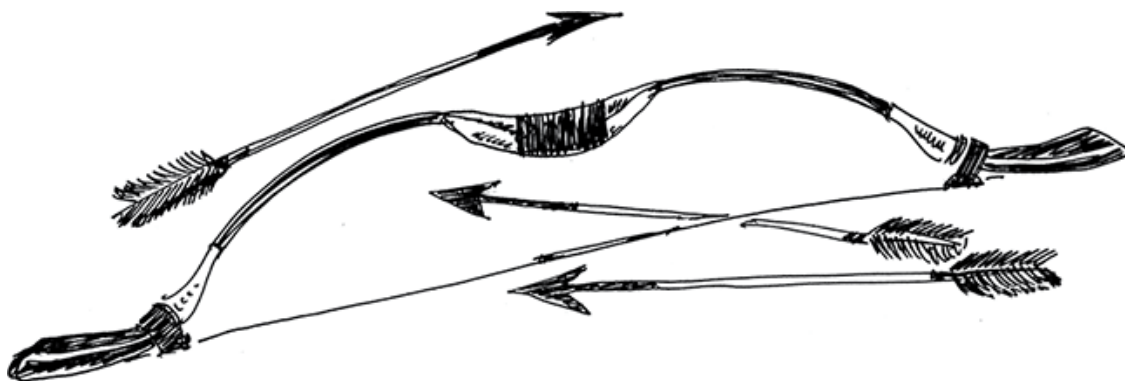
– А нельзя их с собой не брать? Просто покормить и дома оставить? – предложил папа, но Алёна заявила, что с животными дома может произойти куча случайностей. Кролик сам открывает клетку, после чего сразу бежит перегрызать электрические провода, шиншиллы опрокидывают поилку, а черепаха Мафия спит и видит, чтобы кто-нибудь из сбежавших крысят попытался напиться из её аквариума, а ещё лучше – в нём искупаться.

Катя взяла с собой этюдник, кисти, краски и два альбома для зарисовок. Ну и на всякий случай два фотоаппарата. Вика, кроме своих собачек и всего, что к ним прилагалось, набрала целую коробку шампуней, бальзамов и расчёсок. Петя прихватил настоящий – действительно настоящий! – монгольский лук, который мама сама подарила себе на прошлый день рождения, но который почему-то перекочевал к Пете, и знаменитый рюкзак на железном каркасе, который раньше принадлежал американскому солдату Тэду Джейсону, о чём сообщала бирка. Рюкзак был куплен в секунде и, кроме массы плюсов, имел два существенных минуса. Первый минус – в него мало что помещалось, и второй – он был никак не защищен от дождя.

Папа надеялся, что хотя бы у Риты не будет с собой особенных вещей, но ошибся. Очень скоро выяснилось, что Рита собирается взять с собой:

1. Акулу чёрную, набитую ватой, размером с две Риты – 1 шт.
2. Цветные карандаши – 1 кофейная банка, альбомы, точилки и т. д.
3. Восемь толстых книг с картинками по 200–300 страниц каждая.
4. Одежда зимняя, одежда летняя, резиновые сапоги, зонтик, ещё одни сапоги на размер больше, ещё один зонтик, ещё одни сапоги на два размера больше.
5. Горшок – 1 шт.
6. Кровать железную, раскладную.

О том, что кровать раскладная, папа узнал, только когда увидел, что Рита, не без помощи Саши, который скромно прятался за шторой, раскрутила её шуруповёртом и вместо кровати на полу лежит теперь куча отдельных железок.

– А зонтики зачем? И столько сапог? – спросил папа.

– Всё очень просто, – объяснила мама. – Рита будет попадать под дождь и расти как гриб. Попала под дождь, подросла – сапоги стали малы. Опять попала, опять подросла – и снова сапоги малы. Обязательно их надо взять, тем более что она старалась – сама всё собирала.

Поняв, что от сапог не отвертеться, папа попытался покуситься на акулу:

– А эта штука? Она занимает в машине отдельное место! Проще впихнуть в машину дополнительных двух Рит, чем одну такую акулу.

Рита попыталась заупрямиться и даже отыскала глазами место, чтобы улечься на пол и подрыгать ногами, но в этот момент Костя стянул кофейную банку с её карандашами, собираясь насыпать туда окуклившихся мух на корм богомолам, и Рите пришлось с воплями за ним гоняться. Ей сразу стало не до акулы.

Собираясь в дорогу, Лепот обнаружил под газовой плитой запylённые весы. Встал на них и наклонился, чтобы посмотреть на результат.

– Восемьдесят килограммов? – невинно поинтересовалась Катя.

Писатель изумлённо уставился на неё. Катя стояла далеко и никак не могла видеть, что показывают весы.

– Восемьдесят один. Откуда ты знаешь?

– Угадала, – таинственно ответила Катя.

* * *

На другой день утром папа, Петя и Роман Лепот встали рано и стали загружать в автобус рюкзаки, палатки, клетки. Они выстроились в ряд от ворот до машины и по цепочке передавали вещи друг другу. Когда они закончили погрузку, папа отошёл на пять шагов, посмотрел на автобус и тяжело вздохнул. Загруженный почти до стёкол, автобус лаял, взвизгивал, подпры-

гивал, шипел, плескался водой в аквариумах и скрёбся множеством лапок. Из окон торчали зонтики, сачки для бабочек и стрелы монгольского лука. Не верилось, что в автобус смогут ещё втиснуться мама, семеро детей и великий писатель Роман Лепот.

– Есть только одна причина, по которой я сажусь за руль этого бешеного вагончика. Водительское место – единственное, где у тебя никто не будет прыгать на коленях! – сказал папа.

Катя успела застолбить себе почётное место рядом с водителем, однако сильно порадоваться не успела. Чтобы Кате не было очень просторно, мама положила ей в ноги две сумки с продуктами, матрас и пять свернутых одеял, которые захватила на всякий случай. Остальные дети и мама привычно загрузились назад, рассаживаясь между клетками и двумя визжащими собачками Вики, которые то облизывали всех, то визжали, то вываливали языки и от волнения часто-часто дышали.

Лепот, не капризничая, протиснулся на крайнее место заднего ряда, пристегнулся и двумя руками обхватил свой чемодан с колёсиками и выдвижной ручкой.

Последним явился Петя, закрывавший дом и проверявший, чтобы всё было выключено. Он плюхнулся на сиденье у раздвижной двери. Рядом с ним сидел Саша и грустно держал на коленях банку, в которой самка богомола только что отъела самцу голову и теперь, дожёвывая её, размышляла о чём-то извечном женском.

– Никогда не женюсь! Я же только хотел их познакомить! – возмутился Саша.

– Чего ты смотришь? Спасай его скорее! – засуетилась Алёна.

Однако Саша считал, что спасти самца уже поздно.

– Ладно уж. Пусть доедает. Тогда сегодня можно не кормить. А вылупившихся мух мы сможем отдать пауку-волку! – сказал он.

Петя решительно двинул брата бедром и захлопнул двери.

– Чего так долго? Две минуты тебя ждали! – заявила Катя.

– Ну и что? Сейчас ещё мама чего-нибудь забудет! – хладнокровно парировал Петя.

– Нет, ничего не забыла, – мама невольно задумалась, поскольку слова Пети пробудили в ней беспокойство. – Погодите! Надо в холодильник заглянуть! У нас остался недоеденный омлет!

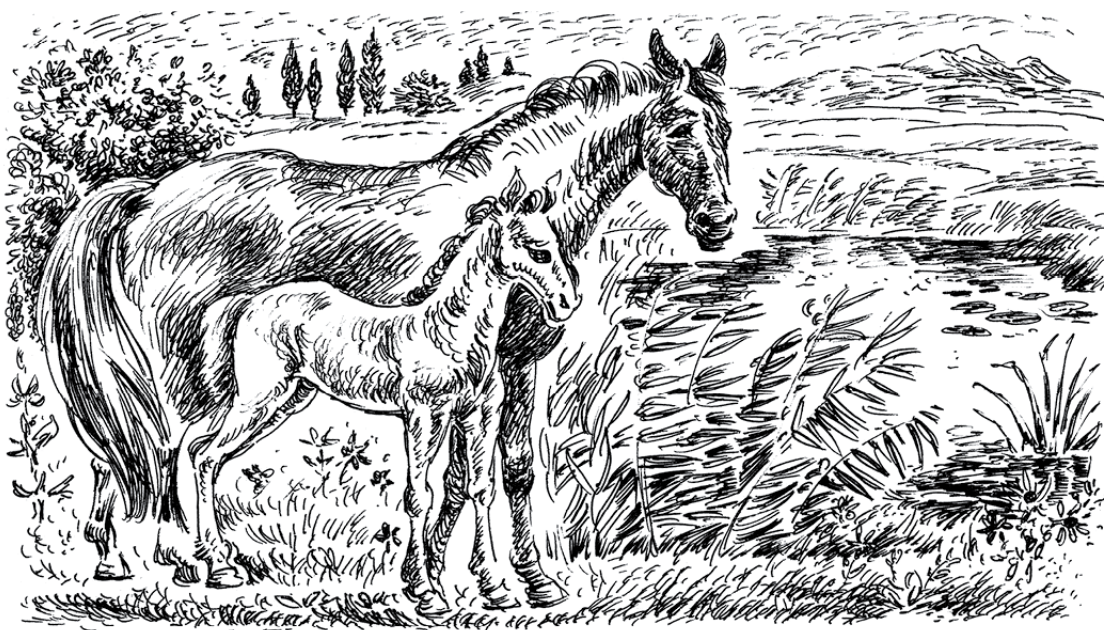
– Нет! Омлета наша машина точно не выдержит! Мы и так уже скребём днищем асфальт! – испугался папа и, тронув автобус, стал пробираться сквозь тугие сплетения винограда и шиповника.

Глава третья

Новое покушение на Романа Лепота

В детстве меня ужасно раздражало, когда мама или бабушка лезли ко мне обниматься. А теперь по мере того, как я становлюсь старше, я понимаю, как это важно, когда дети тебя приласкают, скажут тебе что-то хорошее, и как не часто это бывает. И очень жалею, что не обнимала тогда маму и бабушку.

Мама Аня

Ехать в переполненном микроавтобусе удовольствие ниже среднего. Маме и папе пришлось проявлять чудеса дипломатии, чтобы уставшие дети не ссорились. Потому что там, где ссорятся двое, вскоре начинают ссориться трое, затем четверо, а потом кто-нибудь обязательно начнёт требовать: «Выпустите меня отсюда! Я пойду пешком! Я не могу слушать этот ор!» И это при том, что до ближайшего населённого пункта километров тридцать.

Бедный Роман Лепот, не привыкший к детям, улыбался так, словно его заживо бальзамировали, и пытался спрятать голову в чемодан. Он не понимал, как родители Гавриловы могут терпеть весь этот зоопарк и не сойти с ума.

Больше всех жару задавала Рита, вспомнившая с большим опозданием, что её акулу так и не взяли. И железную кровать не взяли. Не успели Риту убедить, что обязательно поймают

ей акулу в ближайшем же озере («Враки! Враки! Враки! Они там не водятся!» – сразу влез Костя), как Рита увидела у Пети на ключах какую-то свою жёлтую игрушку.

– Моя! – заорала Рита.

– Моя, моя, моя, моя! – сразу подал голос Саша. Просто на всякий случай подал, потому что тут же шёпотом спросил у Алёны: – А про что это она?

Алёна не знала. Зато Рита ухитрилась задрать ногу – она сидела рядом с Лепотом, на третьем ряду сидений – и сверху вниз лягнула Сашу по голове пяткой. Сашина голова тотчас скрылась – точно шляпка гвоздя, по которой метко тукнули молотком.

– Рита, не приставай к брату! Ты вышибешь у него мозги! – не отрываясь от дороги, сказал папа.

– У Саши мозги? Откуда? И Рита не пристаёт. Она выражает свои чувства! – поправила Катя. – Ведь правда же, Рита?

– И-и-и-и! – воинственно взвизгнула Рита.

Они ещё не доехали до поворота на Севастополь, а Алёна уже заявила, что её укачало. Причём укачало её почему-то рядом с единственным в этих краях магазином. Пока Алёна бродила туда-сюда и дышала, все остальные юные Гавриловы ринулись в магазин с такой дикостью, словно никогда в жизни не бывали ни в одном магазине.

Когда они стали всё хватать, продавщица, понимая, что за всеми ей не уследить, ринулась к дверям и расставила руки, чтобы никого не выпустить. Она решила, что в магазин хлынул цыганский табор. Мама Аня едва её успокоила.

– Откуда вы вообще приехали? – спросила продавщица, переводя дух.

– Из очень глубоких джунглей, – объяснила мама, из-за спины которой уже лезла Алёна, спохватившаяся, что все сейчас закупятся, а она останется ни с чем.

Тут же в магазине Костя и Саша поймали в банку здоровенную пчелу-плотника, бьющую в стекло. Пчела была огромная, с синеватым отливом, размером с трёх обычных пчёл, деловая и сердитая. В автобусе она вылетела из банки и, летая туда-сюда, врзалась в стёкла, как пуля. Когда она наконец вылетела в приоткрытое окно, все, кроме Саши и Кости, испытали огромное облегчение.

– Уф! – сказал Лепот, трогая пальцем уши. – Дети – это, конечно, отдельная страница мироздания! К ним, как ко всякой новой странице, нужно привыкать.

– У вас нет детей? – заинтересовался Саша.

– Нет.

– На вас что, никто не согласился пожениться?

Алёна толкнула Сашу локтем.

– Молчи! Что ты говоришь? – зашипела она. – Ему нельзя жениться! У него так в издательском контракте написано, чтобы он холостой был! Он должен быть мечтой каждой женщины, и если он когда-нибудь выберет какую-нибудь одну, это будет крах!

– Алёна! – укоризненно воскликнула мама, а Лепот недовольно покосился на неё и на Гаврилова, соображая, откуда к ребёнку могла поступить такая информация.

– Неправда! – произнёс он с большим достоинством. – Нет такого пункта в контракте! Это всё необоснованные сплетни! Если я захочу, никто не помешает мне жениться. Но я не хочу. Мне только тридцать пять лет. И у меня неудачный опыт в прошлом.

Саша понимающе закивал. У него тоже имелся в прошлом один неудачный опыт. Это когда он хотел совсем немножко взорвать дверь, а оказалось, что сера от десяти коробков спичек – это очень даже «множко». Эту мысль потом разделяли и доктор в травмпункте, и плотник, и вообще все.

Писатель опасливо косился на проплывавшую мимо автобуса степь с низкими горами, скрывавшими искусственное водохранилище. Прямо сквозь горы и долины вела наполнявшая водохранилище толстенная труба. Гаврилову, в этот момент случайно увидевшему Лепота в

зеркальце, показалось, что тот жалеет, что сел у окна. Гость как будто боялся и этих гор, и зарослей кустарника.

– Нельзя ругаться с женой! – строго сказал Саша. – Если мужчина не ругается, тогда жена ему кого-нибудь родит и у него будет большая популяция.

– А если не захочет? – вяло поинтересовался Лепот.

– Тогда надо ей строго сказать: «Ты хочешь популяцию или не хочешь? Как мы с тобой договаривались?»

Косте тоже хотелось принять участие в разговоре, суть которого он не очень понимал. Он поёрзал-поёрзал и потом выпалил:

– Пап, знаешь, что я видел? Я три раза видел женитьбу мух!

Папа кивнул.

– Ясное дело, все видели... Хотите заедем на водохранилище? Оно, правда, обмелело сильно, – предложил он.

– Нет-нет-нет! – выпалил Саша. – Это там, где я по пояс в грязь провалился! Деревьями в меня бросали, чтобы я вылез! Нет уж, больше вы меня в грязь не заманите!

– Мы не бросали в тебя деревьями! Мы давали тебе опору! – заметил Петя.

Саша предложил ему самому провалиться в грязь и пообещал, что будет кидаться в него пнями и брёвнами, пока у Пети не возникнет опора.

Из-за бесконечных остановок дорога к Соколиному растянулась часа на четыре.

Дети, чтобы не ссориться, играли в города. Их названия почему-то часто заканчивались на «А», и Саше разрешалось все время повторять «Алма-Ата», чтобы он не думал по два часа и не задерживал игру. Алёне это надоело:

– Чего он всё время «Алма-Ату» повторяет?! Есть ещё Аддис-Абеба, Алупка, Алушта, Акапулько, Америка, Антарктида... Ой, Акапулько на «о»!

– А Антарктида вообще не город! – ехидно добавила Катя.

– Как это не город? Она уже утонула!

– Утонула Атлантида! Антарктида пока ещё плавает. Ладно, всё, мелочь, играем дальше!

Однако города уже всем поднадоели, и Петя объявил Вику проигравшей на том основании, что она не может придумать город на мягкий знак, хотя раньше из этого проблемы не делали и говорили слово на предшествующую букву.

Километрах в десяти от Соколиного, там, где уже угадывалась близость гор, которые то там, то здесь вылезали из земли отдельными каменными пластинами, мшистыми тысячелетними обломками или глубокими узкими оврагами, папа вдруг услышал позади рёв. Посмотрев в зеркальце, он увидел, как мимо них пронеслась красная, просто до боли алая машина-«копейка» и, совершив тройной обгон, ушла в точку. Папа протёр глаза.

– И это «Жигули»? В горах! Почти на серпантине! И машине, между прочим, уже лет тридцать! – изумлённо воскликнул он.

– Да-а, – протянул Петя. – Между прочим, я читал: первые автомобильные гонки были очень медленными. Перед гоночными машинами бежал человек, звенел в колокольчик и кричал: «Осторожно! Автомобили!» Иногда он отбегал слишком далеко, и ему приходилось возвращаться, чтобы гонщики не слишком отстали.

Пытаясь представить себе эти гонки, папа не заметил доски с гвоздями. Переехал её передней шиной и – пшшш!

– Прокол! – буркнул он, съезжая на обочину.

Поменять колесо оказалось делом нелёгким. Домкрат был зарыт глубоко под вещами, и, чтобы найти его, требовалось разгрузить автобус. К счастью, недалеко от дороги обнаружилась отличная поляна с круглым озером, заросшим камышом. Вокруг озера паслись четыре неприязненные лошади, одна из которых была с жеребёнком.

Поляна Алёне очень понравилась. Она сразу легла и приложила ухо к земле.

– Чего ты делаешь? – спросила Катя.

– Слушаю, как растёт трава! – голос у Алёны был мечтательным. Таким же, как в минуты, когда к ней прилетал дракон и пил воду из таза у неё под кроватью.

– Ля-ля-ля, жу-жу-жу, я с мозгами не дружу! – проворчала Катя и растущую траву слушать не стала.

А вот Костя и Саша стали. Они прикинули, что на большой поляне трава каждую минуту совокупно подрастает минимум на пару сантиметров. И что, может, действительно слышно, как сок травы поднимается по многим тысячам стеблей.

Но потом, конечно, все вспомнили, что тут ещё есть лошади.

Пока Петя, папа и очень недовольный Лепот перетаскивали рюкзаки и клетки с животными, Катя, Вика, Рита и Костя окружили лошадей и полезли их гладить. Рита срывала травинки и, вставая на цыпочки, совала их лошади в нос.

– Кусяй! Кусяй, лосядка! – повторяла она.

«Лосядка» отворачивалась от травинок и скалилась, прижимая уши.

– Рита, отойди от неё! Катя, возьми Риту за руку! – велела мама.

– Лошадь же улыбается!

– Это она угрожает!

Саша, не обращая на лошадей внимания, прошёл к озеру и, скрестив руки на груди, остановился у камышей. В камышах квакали лягушки. Было слышно, как, срываясь с места, они прыгают в воду. На лице у Саши было написано искреннее страдание.

– В болото меня заманить хотите? Я к нему даже близко не подойду! – произнёс Саша мрачно.

Он сделал шаг в сторону, собираясь демонстративно повернуться к озеру спиной, но тут послышался особенно громкий плюх. Большущая, с кулак, лягушка, сидевшая у его ног, тяжело прыгнула в воду. Саша, не заметивший её прежде, а точнее – заметивший, но принявший её за камень, застонал, провёл ладонью по лицу, а мгновение спустя озерцо покачнулось и заходило волнами от ещё одного, совсем уж гигантского, плюха.

Это Саша прямо в футболке и шортах бросился в грязную воду. Было видно, как он ворочается в воде, а вокруг него плавают лягушки. Одна из них даже вскочила ему сзади на голову, приняв её за кочку. Саша попытался выбраться на берег, но жидкая тина на дне не давала ему сделать ни шагу. На поверхность поднимались чёрные пятна грязи.

– Ну вот! – произнёс Саша со страдальческим укором, обращаясь непонятно к кому. – Заманили? Добились своего? И кто виноват?

Пока мама с Петей выуживали Сашу из воды, протягивая ему палку, а потом повторно выуживали его из воды, потому что грязный с ног до головы Саша кинулся в озеро уже с сачком и банкой, папа возился с колесом. Когда же он наконец поменял его, то обнаружил, что на поляне уже появилась палатка.

Возле палатки горел костёр. У костра на бревне сидели все его родственники, а между ними Саша в девчачьих трусах, держащий в руках банку с двумя лягушками. Лягушки в банке едва помещались и залезали друг на друга. Сашины вещи сушились на ветках ближайшего дерева.

– Давай сегодня уже никуда не поедem! Всё равно через пару часов стемнеет, а место вроде неплохое... – предложила мама.

– Ну давай! – согласился папа и отправился к дороге, чтобы сесть за руль и подогнать автобус поближе к палатке.

Роман Лепот стоял на проезжей части рядом с огромной лужей, которая, стекая с дороги, превращалась в ручеёк. Услышав, что Гаврилов предлагает не ехать сегодня в Соколиное, он возмущённо двинулся к нему, но в этот момент опять раздался рёв двигателя.

Возникнув из-за поворота, на дороге появилась знакомая алая «копейка». Вильнув, она выехала на встречную полосу и помчалась напрямиком на Лепота. Писатель, с воплем отскочив на обочину, споткнулся и упал. В последнюю секунду, когда казалось, что он уже погиб, «копейка» опять вильнула и, пронёсшись через лужу, окатила его потоком грязной воды и скрылась.

Роман Лепот кое-как поднялся на ноги. На него вылилось столько воды, что он был теперь грязнее Саши. Его знаменитая чёлочка прилипла ко лбу. Брюки тоже прилипли к ногам, которые оказались немужественно тонкими. Правая коленка прыгала.

– Меня хотели убить... – простонал Лепот, хватая Гаврилова за запястье. – Ты видел?! На меня покушались! Звони! Звони скорее!

Гаврилов схватился за телефон. Ответили ему почти сразу.

– «ВАЗ-2101»... Цвет красный... Номер 786... В районе Соколиного. Букв не рассмотрел, да... Только что чуть человека не сбил! – сообщил папа.

Было слышно, как с той стороны диспетчер щёлкает пальцами по клавиатуре.

– В угоне, – сообщили папе.

– Как в угоне?! Давно? – поразился папа.

Ему ответили. Оторвав от уха трубку, Гаврилов повернулся к обтекающему грязью Роману Лепоту:

– Красную «копейку» угнали несколько часов назад... Подростки, наверное.

– Почему подростки? – удивился Лепот.

– Ну как... Угнали старую машину... Ездят как безумные...

Лепот расхохотался. Мокрое лицо его было лицом безумца.

– Подростки... – повторил он. – Если бы подростки! Ха!!! Дети – цветы жизни! Размножение мух! Да здравствует большая популяция!

И он опять расхохотался, продолжая обтекать водой. Он хохотал, хохотал, хохотал. Николай терпеливо ждал, пока Лепот перестанет, но тот не переставал. Постепенно хохот его перешёл в икание. Лепот икал и хихикал. Хихикал и икал. Лишь спустя минуту Гаврилов сообразил, что у знаменитого писателя случилась истерика.

Глава четвёртая

Гера, Аскольд и бла-бла-бла

- Мы в горы не ходим! Подъём сложен! Спуск опасен!..
- Тогда идите в лес!
- В лесу клещи!
- Идите хоть куда-нибудь!
- Вы что, нас прогоняете? Нет? Ну тогда мы тут посидим!

(с) Вика и Катя

Ночёвка у озерца запомнилась всем надолго. Вечером залитая алым солнцем поляна казалась тихой и поэтичной. Квакали лягушки. Пришёл одинокий рыбарь, как назвал его папа Гаврилов. Это был совершенно тургеневский дедушка с белой бородой и всклокоченными волосами. Недовольно оглядываясь на Гавриловых и не вступая в вербальный контакт, рыбарь бродил по берегу и ждал, когда можно будет незаметно вытащить поставленную утром сеточку.

Когда почти зашедшее солнце соседствовало на небе с луной, приехал мальчишка на велосипеде. У мальчишки была в руках хворостина. Он стал размахивать ею и пугать лошадей. Лошади, пофыркивая, неохотно стронулись с места и потекли куда-то вдоль дороги, туда, где угадывались огни деревни. Было заметно, что лошади пытаются поскакать, но им лень.

– Хорошо здесь! – мечтательно сказал Гаврилов. – Тут какое-то всё другое. Москва – она всё-таки лес.

– Москва – лес? – недоверчиво спросил Лепот. – Это у вас тут лес!

– Нет, – не согласился Гаврилов. – Крым – он где-то лес, где-то степь, где-то лесостепь, а где-то даже чуть-чуть субтропики. А Москва – это именно лес глухой. Бродишь по Москве – и вдруг между домами какое-нибудь редколесье, мелколесье, кусочек бора, болотце с осинками. Настоящее всё, исконное, всегда тут бывшее. Город же – случайная заплатка в вековых лесах.

Гавриловы грелись у костра. Роман Лепот, уже вполне высохший и одетый в смешной льняной костюмчик, жарил на палочке сосиску. Эти сосиски он купил отдельно от всех и утаил в своём чемодане, а Гавриловы, когда были в магазине, о сосисках почему-то не подумали.

Лепот собрался уже съесть сосиску, но встретил укоризненный взгляд Риты и неохотно отдал сосиску ей.

– Рита, что надо сказать? – засутилась мама. – Ну! Спа... спа...

– Спакойно! – сказала Рита.

Лепот поджарил вторую сосиску, но тут встретил укоризненный взгляд уже Кости. После третьей сосиски на него укоризненно смотрели уже Алёна, Саша и опять почему-то Рита, которая ела очень быстро.

Тогда писатель поджарил сразу две сосиски. Одну отдал детям, а другую торопливо съел сам.

На небе высыпали звёзды. Вначале всего две-три, потом сразу десятков, а затем небо словно запорошилось множеством золотых песчинок. Звёзды были неисчислимы. Собственное сознание начинало казаться жалким и ничтожным. Оно ничего не вмещало, оказываясь крошечным, как напёрсток, которым пытались зачерпнуть океан.

– Хорошо всё-таки на природе! Надо чаще выбираться! Огромное вам спасибо, что вытащили нас! – поблагодарила Лепота мама Аня.

Писатель кивнул, показал детям пустую пачку от сосисок и бросил её в костер.

Вскоре все пошли спать. Гавриловы забрались в свою палатку, а Лепот, заявивший, что палатка летом в Крыму идиотизм, потому что и так не холодно, лёг у костра.

Около полуночи к палатке притащилась неизвестная собака из деревни. Собака была молодая, с большой головой, с длинными худыми лапами и очень глупая. Она уселась метрах в десяти от костра и принялась издавать непонятные звуки. Она то скулила, то лаяла, то начинала чесаться задней лапой, и это получалось почему-то даже громче, чем когда она скулила и лаяла. Собака чесалась так, словно с ней вместе чесалось и всё озеро. Викины цвергпинчеры учуяли собаку и стали на неё лаять из палатки. Заскреблись в панике крысы, а кролик Чудик спросонья хотел куда-то прыгнуть и перевернулся вместе с клеткой.

Дети спали вмертвую. Но папа проснулся. Проснулась и мама. А Лепот даже и не засыпал ещё, потому что замёрз.

– Иди, родная, отсюда! У тебя, наверное, какие-то дела! – вежливо сказал он собаке.

Но у собаки не было никаких дел. Спасаясь от комьев земли, которые кидал в неё добрый писатель, она улегалась в камышах. Изредка по дороге проезжала машина, или прыгала в озеро лягушка, или проносилась ночная птица – и тогда собака начинала лаять, сообщая Вилли и Ричарду: смотрите, смотрите! Тут какой-то непорядок! Караул!

Вилли и Ричард мгновенно просыпались и тоже начинали лаять, объясняя собаке, что всё в порядке, мы поняли, не ругайся.

– Да я, тяв-тяв, не ругаюсь! – объясняла собака.

– Да не переживай ты так, тяв-тяв! Тут все свои! – объясняли Вилли и Ричард.

– Я просто на всякий случай. Вдруг что-то...

– Да замолчи ты, тяв-тяв!

– Да я молчу, тяв-тяв, молчу! Это вы, тяв-тяв, первые начали!

В результате ленивые перелайки продолжались всю ночь. Изредка из деревни приходили ещё какие-то псы, но видели, что место занято, и уходили, тоже для порядка потявкав.

Рита описалась, потому что вначале боялась собак, а потом ей вдруг взял да и приснился «вунитаз». Этот зловещий «вунитаз» вечно снился в разные моменты жизни то Саше, то Косте, то Рите, и всегда с одинаковыми последствиями.

Под утро тощая собака устала следить за безопасностью семейства Гавриловых и ушла по каким-то новым, внезапно возникшим у неё делам. Папа и мама Гавриловы радостно уснули. Спали они, однако, недолго. Внезапно папа почувствовал, что его кто-то трясёт. Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Алену.

– Папа! Медведь пришёл! – прошептала Алёна.

- В Крыму нет медведей!
- Тогда волк!
- И волков нет!
- Нет, есть! Кто-то же к нам пришёл!

И действительно кто-то молча дышал, надавливая на палатку сверху и пригибая её к земле. Вилли и Ричард, недавно храбро облаивающие всякую лягушку и летучую мышь, теперь почему-то не лаяли, а только дрожали и пытались забраться к Вике в спальный мешок.

Папа стал ползать в темноте по палатке. Кроме него, не спали только мама и Алёна. И ещё то огромное и неведомое, что тыкалось снаружи в палатку, явно отыскивая вход, тоже не дремало.

- Что ты делаешь? – спросила мама.
- Топор ищу! – объяснил папа.

Однако топор не находился. И большой нож не находился. Обнаружился маленький, с мизинец, ножичек, висевший на брелоке. Этим ножичком папа сделал в палатке крошечную дырочку и осторожно выглянул. Возле палатки стояла корова и то наступала на неё, то толкала её мордой.

- Корова! – сказал папа.

– Кто корова? Я нечаянно! – обиделась Алёна, только что наступившая папе коленом на руку.

– Она корова! – сказал папа. – Видно, это озеро нечто вроде местной Красной площади. Место встречи изменить нельзя. Сюда постоянно все приходят, а мы не знали и поставили тут палатку.

Он вылез из палатки и, размахивая руками, отогнал корову подальше.

Потом подошёл к погасшему костру. Лепота у костра не было. Валялись какие-то полотенца, футболки, свитерочки с итальянскими лейблами. И всё это было смятое и растерзанное, точно ночью на Романа Лепота напали хищники и сожрали его, оставив одни тряпочки.

Мама опять легла спать, а папа остался отгонять корову. К папе вылезла Алёна и стала ходить туда-сюда у него перед носом как маятник.

– Не броди тут! Спи! Или, если не можешь спать, сделай кофе! – сказал ей папа.

– Как?

– Да очень просто. Берёшь пилу, молоток, гвозди и делаешь кофе.

Но Алёна делать кофе не стала. Вместо этого она грустно присела на корточки, оглядывая оставшиеся от Лепота тряпочки.

– А где он? – спросила она.

– Русалка, наверное, утащила. Выползла ночью из озера. Волосы длинные, зелёные. Губы алые, глаза огромные. Опирается на локти, а хвост в воде прячет. «Иди ко мне, человек! Поцелую!» Видать, Лепот подошёл, а она его за шею – и в воду с концами... – папа засмеялся, но тут же смеяться перестал и на всякий случай проверил, не ведут ли к озеру невозвратные следы.

Следов не было. Папа ощутил облегчение.

Роман Лепот появился минут через десять. На плече у него лежало сухое длинное дерево, тащившееся узким концом по траве.

– А мы думали, вас русалка утащила! – радостно сообщила Алёна.

– Я замёрз. Дров тут рядом нет совсем. Пришлось в лес идти, – объяснил своё отсутствие Лепот и, обламывая у дерева ветки, стал раздувать и подкармливать огонь.

Потом ненадолго отлучился к своему чемодану, немного повозился в нём и вернулся с йодом и ватой. На руке у него алела длинная царапина. Лепот сказал, что она от колючей проволоки, которую какой-то неумный человек протянул в лесу. Алёна с большим удовольствием помазала царапину Лепота йодом.

К восьми утра последние сони из гавриловского рода вылезли из палатки. В солдатском котелке папы уже приготовилась гречка, в которую он щедро добавил две банки тушёнки. Ещё через полчаса опять появился мальчик на велосипеде, а за ним четыре лошади. На этот раз мальчик был уже без хворостины, зато с верёвкой и колышком. Одну из лошадей он привязал, а остальных оставил непривязанными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.